

Гизиева Ксения Юрьевна

ГОРОДСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ОМСКА)

Автор рассматривает изменение погребального обряда во второй половине XIX - начале XX века. Описываются особенности погребения представителей знатных сословий, военных, чиновников. На конкретных примерах демонстрируется влияние новых тенденций, наблюдавшихся в погребальном обряде начала XX века и ознаменовавших появление так называемого обряда гражданских похорон. Еще одной характерной особенностью нового гражданского обряда явилось пренебрежительное отношение к кладбищам. В качестве примера автор приводит историю Казачьего кладбища, открытого в начале 40-х годов XIX века в Омске.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 2. С. 47-50. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 393.05

Исторические науки и археология

Автор рассматривает изменение погребального обряда во второй половине XIX – начале XX века. Описываются особенности погребения представителей знатных сословий, военных, чиновников. На конкретных примерах демонстрируется влияние новых тенденций, наблюдавшихся в погребальном обряде начала XX века и ознаменовавших появление так называемого обряда гражданских похорон. Еще одной характерной особенностью нового гражданского обряда явилось пренебрежительное отношение к кладбищам. В качестве примера автор приводит историю Казачьего кладбища, открытого в начале 40-х годов XIX века в Омске.

Ключевые слова и фразы: погребальный обряд; тенденция; обряд гражданских похорон; ритуал; кладбище.

Гизиева Ксения Юрьевна

*Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского
Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева
mart188@mail.ru*

**ГОРОДСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ОМСКА)**

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта для молодых ученых ОмГУ им. Ф. М. Достоевского 2016 г.

С началом роста городов и увеличения благосостояния их жителей возникло сразу две проблемы, решать которые деятелям похоронного бизнеса и городским властям пришлось одновременно. Разночинцы и разбогатевшие крестьяне не желали довольствоваться скромными деревенскими похоронными обрядами, а мечтали отправиться в последний путь не хуже дворян и состоятельных потомственных купцов, а также получить на кладбищах не самые худшие места.

Те, кого относили к категории достаточных господ, предпочитали хоронить своих усопших в городской черте и по соответствующему их благосостоянию разряду. В 1890-х гг. стоимость похорон по разрядам различалась весьма значительно. К примеру, в Петербурге погребение по первому разряду обходились в 950 руб., при том что месячная зарплата квалифицированного рабочего составляла 30-40 руб. в месяц. И даже последний, пятый разряд, бедноте был не по карману, поскольку за него просили не менее 40 руб. [4].

Что касается цен на похороны в Омской области, то показательными являются следующие сведения: в марте 1810 г. в Омске скончался тобольский купец 3-й гильдии Николай Иванович Попов, он исполнял должность помощника омского винного откупщика. После его смерти осталось двое детей: сын Дмитрий десяти лет и дочь Глафира шести лет. Жена Николая, Анна, скончалась раньше, а ближайшим родственником оказался челябинский купец Петр Бороздин. Но в 1812 г. П. Бороздин скончался, и началась сверка отчетных документов, касающихся подопечных. В том числе с тобольских родственников покойного Н. И. Попова берут роспись расходов на похороны. В отчете указаны такие расходы на погребение, как: покупка гроба; свечи и ладан; кирпичи на выкладку в могиле; людям, которые несли гроб и копали могилу; холст, тесьма и ленты; псаломщику за чтение Псалтыри. Содержится информация о количестве выпитого на похоронах, съеденного изюма и чернослива. Перед смертью купцом Н. И. Поповым была роздана милостыня в острог, церковь, богадельню, в «бедность» Омским, Тарским, Томским воротам. В общей сложности на похороны было потрачено 275 руб. [7, д. 189, л. 192-194].

Известны случаи, когда похороны превращались в театральные представления. В начале 90-х гг. XIX века в Омске скончался один из «хитроумных подпольных адвокатов, обслуживающих бедноту» и «всяких вольных и невольных правонарушителей»: «...Однажды с Мокрого по направлению к кладбищу появилась необыкновенная похоронная процессия: за гробом “базарного” адвоката А. шла толпа “простолюдинов”. Среди этой толпы выступали люди в поношенных, но когда-то роскошных фраках, цилиндрах, бальных туфлях. Эти люди были босяки, взявшие напрокат “парадное” платье, чтоб с честью и почетом проводить до могилы своего заступника» [5, с. 78].

Специфику городского погребения низших сословий середины XIX века можно проследить на прощании с умершими в лечебных заведениях гражданского ведомства. В ее основе лежал порядок, изложенный еще в Уставе о непереносимых военных госпиталях, утвержденном 21 марта 1828 г. [11, с. 303]. Согласно этому документу, после смерти пациента его тело «переносится в особый покой, обмывается и кладется на нары. Рубаха дается из оставшихся для покрытия его 2 аршин холста». Отпевать следовало в «особом покое, для того назначенном». В случае если во время транспортировки в пути умирал кто-либо из больных, то его тело для предания земле передавалось «с платежом за гроб, сколько следует» начальнику земской полиции и приходскому священнику, а «транспортный офицер» брал с них письменное свидетельство.

Погребение военных также имело свою специфику, которая выражалась в особых почестях для покойного. Согласно Положению об устройстве военных кладбищ и упорядочении похорон умерших из нижних чинов войск Омского военного округа (приложение к приказу № 83 от 18.05.1888 г.), прах умершего солдата, как и любого христианина, необходимо хоронить по христианскому обряду и с надлежащими почестями. После

смерти нижнего чина в госпитале, местном или войсковом лазарете, начальство лечебного заведения должно было сообщить в батальон, батарею, казачий полк или команду – в ту часть, в которой служил покойный. Канцелярия части сообщает в роту или сотню, в которой состоял на службе нижний чин, для дальнейшего сообщения товарищам и родственникам умершего, живущим в том же городе или другом населенном пункте. Предварительные приготовления к похоронам, извещение кладбищенской администрации, уплата расходов остаются на распоряжении госпиталя и лазаретов. Намогильные сооружения (кресты) ставились на деньги частей, отпускаемые госпиталю и местным лазаретам. Для перевозки тела от лазарета до церкви и от церкви до кладбища существовали особые погребальные повозки. Такие повозки было положено иметь только крупным частям, которые могли себе позволить их содержание. Они располагались в Омске, Верном, Джаркенте, Караколе и в посту Зайсанском. В остальных же пунктах, где были расположены отдельные части, умерших переносили на руках товарищей. Каждая часть должна была иметь по одному экземпляру парадного головного убора и холодного оружия, присвоенного нижним чинам для положения на гроб во время похорон. Ордена и медали на суконой подушке алого цвета впереди гроба нес представитель низшего чина в парадной форме. В частях, где имелись свои церкви, а также в Омском военном госпитале, отпевание нижних чинов производилось в этих церквях, при своих певчих и безвозмездно. В остальных местах отпевание производилось до обеда в ближайших церквях. При отпевании покойного присутствовали все свободные от службы нижние чины роты, батареи, сотни или команды, в которой состоял покойный, и все начальствующие лица до ротного, батарейного или сотенного командира и начальника команды. По окончании отпевания гроб выносили из церкви и ставили на погребальную повозку, к которой должен был быть прикреплен и крест. Если повозки не было, гроб несли на руках до кладбища, по возможности в сопровождении священника и певчих, а также команды по уставу и товарищей. Могила должна была быть вырыта наемными рабочими или нижними чинами под наблюдением кладбищенского сторожа [2, д. 90, л. 16 – 17 об.].

В начале XX века самое заметное влияние на погребальный обряд начало оказывать государство, тогда сформировался так называемый обряд гражданских похорон. Новый похоронный обряд бытовал в двух вариантах. Для одного из них был характерен полный отход от церковных норм и правил, а для второго – сочетание церковного и гражданского ритуалов [13, с. 206].

Такой полугражданский ритуал прослеживается на похоронах акмолинского губернатора генерал-майора Н. М. Литвинова, убитого террористами 15 декабря 1906 г. в Омске. Несмотря на то, что губернатор на своем посту находился около месяца, многие из граждан спешили к дому его, чтобы на месте помолиться у праха безвременно погибшего начальника области. После в дом Н. М. Литвинова прибыл Преосвященный Гавриил и в присутствии собравшихся представителей военного и гражданского управления, родных покойного совершил первую литию. На другой день в 12 часов дня, при еще большем стечении почитателей губернатора, была совершена вторая лития. В воскресенье 17 декабря в 3 часа дня был совершен вынос тела убиенного губернатора в Кафедральный Собор. В выносе принимали участие: Преосвященный Гавриил, городское духовенство, генерал-губернатор, начальники отдельных частей, войска и множество народа. Вместе с телом губернатора, по желанию Владыки, принесены в Собор и тела убитых городского и приказчика. Для подобных полугражданских похорон были характерны речи, произносимые у гроба. 18 декабря на Литургии, совершенной Преосвященном Гавриилом, кафедральный протоиерей о. Н. Никольский произнес сочувствующие слова в адрес присутствующих: «...Революционеры стреляют не только в людей, а в мудир, не считаясь с тем, что от этой бессмысленной вражды гибнут неповинные люди, полезные члены общества, сиротеют целые семейства. Для этого они считают необходимым уничтожить представителей старого строя государственного... Долг каждого из нас стремиться прекратить губительную работу крамольников, которая неустанно подтачивает строй нашего Отечества, похищая от нас верных слуг Царя» [12, с. 14-18]. По отпеванию, тела городского и приказчика были похоронены на Шепелевском кладбище Омска, а тело губернатора было отправлено в Петербург для погребения на Смоленском кладбище [12].

Для этого периода было характерно введение в траурную гамму красного цвета. Использовался красный цвет как для гражданских, так и для полугражданских (сочетание церковного и гражданского ритуалов) похорон. Компонентом погребального обряда стали и надписи на флагах, венках, которые подчеркивали политический характер траурной процессии и выражали солидарность с погибшими. Еще одной характерной чертой является музыкальное сопровождение городской процессии. Это объясняется социальной функцией похорон, носивших выраженную политическую окраску [10, с. 136].

Траурную процессию тех времен можно рассмотреть на примере похорон жертв колчаковского террора 30 ноября 1919 г. в Омске. На похороны пришли тысячи жителей из Атаманского хутора, окрестных деревень, со станции Куломзино. Городские рабочие в 6 часов утра стали собираться около военного госпиталя. Около 8 часов утра к госпиталю начала подходить траурная процессия городских и районных комитетов партии и рабочих организаций. Стройно и мерно под звуки похоронного марша двигались бесконечные ряды войск, рабочих и всех горожан. Звучала революционная песня: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Впереди каждой процессии двигались красные траурные знамена с надписями: «Слава погибшим за революцию». У могилы жертв террора был установлен высокий из серого камня постамент, который венчала скульптурная группа женщины и сраженного на баррикадах рабочего. Вверху на гранях постамента надпись: «Павшим в ноябре 1919 г. во имя великой идеи коммунизма. “Безумству храбрых поем мы славу!”» [9].

После октябрьской революции 1917 г. большевистским правительством был принят ряд декретов, прямо или косвенно регулировавших законодательство в области погребения и, несомненно, повлиявших на похоронный обряд.

Одним из важных документов того периода был Декрет Совета Народных Комиссаров «О кладбищах и похоронах» от 7 декабря 1918 г., опубликованный в № 271 «Известий ВЦИКС». На местах сразу же было выпущено обязательное постановление отделам коммунального хозяйства по вопросам похоронного дела. Согласно декрету, все кладбища, крематории и мормги, а также организация похорон граждан поступают в ведение отдела коммунального хозяйства. Владельцев частных похоронных бюро и предприятий обязали в трехдневный срок представить коммунальному отделу подробные описи всего имущества, инвентаря и списки служащих и рабочих. Для всех граждан были установлены одинаковые похороны, деление на разряды как мест погребения, так и похорон, уничтожались. Оплата мест на кладбищах отменялась. При этом отмечалось, что похоронные религиозные обряды в храме и на кладбищах могли совершаться по желанию родственников и близких умершего за их собственный счет [3, д. 10, л. 29].

В этот период начинается не только массовое уничтожение церквей, но и кладбищ. Кладбище утрачивает статус неприкосновенного и почитаемого места. Характерным примером такого пренебрежительного отношения является история Казачьего кладбища, открытого в начале 40-х гг. XIX века в Омске. Своим появлением оно всецело обязано Никольскому Казачьему собору, так как признавалось необходимым «иметь при войсковой церкви для погребения тел умерших кладбища, отдельного от городского, которое в настоящее время находится уже внутри города и постепенно застраивается, почему и имеем честь просить покорнейше Войсковую канцелярию не оставить снести с кем следует об отводе для этого особого места» [1, д. 403, л. 1 – 1 об.]. На кладбище Сибирского казачьего войска нашли последний приют останки людей, составлявших славу и гордость Омска: ученых, архитекторов, поэтов. Здесь предавали земле прах знатных людей города. По сути, оно было мемориальным. На территории кладбища был выделен специальный участок Сибирского кадетского корпуса. Здесь же располагались фамильные погребения купцов, военных и т.д. Представители купеческого сословия тяготели к обозначению на памятниках заслуг умершего и большим эпитафиям, говорящим современникам и потомкам о достойном жизненном пути. На купеческих надгробиях часто рядом с имеющей обозначена принадлежность к гильдии [8, с. 198].

В 1926 г. вышла статья в газете «Рабочий путь» о состоянии Казачьего кладбища, и вот как его описывает корреспондент: «Пришла война и революция, город разросся, и Казачье кладбище обступили новые строения. Семнадцать Линий уходят теперь за Казачье кладбище. И с утра до вечера по его аллеям движется нескончаемая вереница пешеходов – утром к центру города, вечером обратно... По аллеям прогуливаются бедно одетые, но подкрашенные девчонки. Попробуйте пойти вслед за такой, не отставая. После одного-двух туров по главной аллее такая девушка обязательно свернет в глухую боковую аллею и, оглянувшись, приподымет свою юбочку... Обитатели городского дна ночуют в часовенках над генеральскими и чиновничьими могилами, таскают с богатых могил кресты и решетки» [6].

В 1939 г. Омский горисполком принял решение о закрытии Казачьего кладбища. Предусматривался перенос погребений и оборудование нового некрополя. С началом Великой Отечественной войны, в 1941-1942 гг. Казачье кладбище вновь было открыто для захоронения рядовых и офицеров, скончавшихся в госпиталях города. Но никаких памятных знаков, монументов установлено не было. Неоднократно городские власти принимали решение о закрытии кладбища, а в начале 1960-х гг. в печати было объявлено о его ликвидации. В 1960-1970-е гг. некрополь уничтожили. В последующий период на данной территории возвели медицинские учреждения: детскую многопрофильную больницу и поликлинику.

Традиционный городской погребальный обряд русских, каким мы знаем его сейчас, складывался на протяжении длительного периода. Если говорить про середину XIX века, то на лицо проявление социальных различий в обществе: это и разрядность похорон, и лучшие места на кладбище. В начале же XX века картина меняется, отсутствие сословного неравенства и антирелигиозной пропаганды (атеистического воспитания) стали ключевыми факторами, повлиявшими на похоронную индустрию этого периода. Возможно, наполнение городского погребального обряда новыми элементами было связано со стремлением «подогнать» содержание традиционного ритуала под сложившуюся ситуацию в стране.

Список литературы

1. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 67. Оп. 1.
2. ГАОО. Ф. 270. Оп. 1.
3. ГАОО. Ф. 286. Оп. 1.
4. **Жирнов Е. А.** Культ смертельного шика [Электронный ресурс]. URL: <http://scisne.net/a-210> (дата обращения: 25.10.2016).
5. **Мокрый форштадт** // Омская область. 1940. № 3.
6. **На городских окраинах. Казачье кладбище** // Рабочий путь. 1926. 29 мая.
7. **Объединенный государственный архив Челябинской области** (ОГАЧО). Ф. И-14. Оп. 1.
8. **Омский некрополь: исчезнувшие кладбища.** Омск: ОАО «Омский дом печати», 2005. 232 с.
9. **Палашенков А. Ф.** Памятные места Омска [Электронный ресурс]. URL: <http://www.omskcity.ru/proza/publicistika/17-palashenkov-pamyatnie-mesta-omska.html?start=53> (дата обращения: 11.11.2016).
10. **Полищук Н. С.** Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // Советская этнография. 1991. № 6. С. 135-156.
11. **Полное собрание законов Российской империи** (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собрание II. Т. III. 1642 с.
12. **Три безвременные могилы** // Омские епархиальные ведомости. 1907. № 1. С. 14-18.
13. **Шевченко В. Ф.** Подготовка к смерти. Подготовка к погребению (опыт аналитического описания современного погребального обряда) // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002. С. 198-218.

THE URBAN FUNERAL RITE OF THE SECOND HALF OF THE XIX – THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (BY THE EXAMPLE OF OMSK)

Gizieva Kseniya Yur'evna

Omsk F. M. Dostoevsky State University

Siberian Branch of Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage in Omsk
mart188@mail.ru

The author considers change of the funeral rite in the second half of the XIX – at the beginning of the XX century. The article describes features of burial of notable estates representatives, officials, and military men. Specific examples demonstrate influence of new tendencies in the funeral rite at the beginning of the XX century that marked emergence of the so-called ceremony of civil funeral. One more characteristic feature of such new civil ceremony was negligence to cemeteries. As an example the author presents history of a Cossack cemetery, which was opened in Omsk at the beginning of the 40s of the XIX century.

Key words and phrases: funeral rite; tendency; ceremony of civil funeral; ritual; cemetery.

УДК 1:294.3

Философские науки

В данной статье раскрыты основные религиозно-философские взгляды школы мадхьямика-прасангика, во многом повлиявшие на мировоззрение и стиль мышления народов Тибета и Центральной Азии. Закономерность доминирующих позиций этой школы заключается в том, что разработкой основных ее принципов, методик и текстов занимался выдающийся ученый средневекового Тибета Кунчен Жамьян Шадпа. Все разработанные им в недрах этой школы положения и методики имели важное значение как для логического обоснования верности положений Учения, так и в реализации пути совершенствования.

Ключевые слова и фразы: логика; эпистемология; буддийская герменевтика; прамана; верное познание; прасанга; срединность.

Гулгенова Арюна Цыденжабовна, к.и.н.

Министерство социальной защиты населения Республики Бурятия
agulgenova@mail.ru

РОЛЬ КУЧЕНА ЖАМЬЯНА ШАДПЫ В РАЗВИТИИ ФИЛОСОФСКОГО УЧЕНИЯ МАДХЬЯМИКОВ-ПРАСАНГИКОВ

Мадхьямика-прасангика, созданная Буддхапалитой и Чандракирти в VI-VII веках, достигла своего расцвета благодаря трудам Чже Цзонхавы (1357-1419) и последователей традиции Гелугпа, ярким представителем которой был Кунчен Жамьян Шадпа Дорже. Эта школа, активно развиваясь в течение многих веков на территории Центральной Азии, наложила существенный отпечаток на формирование специфических особенностей процветавшей здесь схоластики, а также на характерные черты культуры и мировоззрения буддийских народов.

Школе мадхьямика-прасангика принадлежит разработка самого глубокого смысла философии срединности посредством метода прасанги, осуществленная Чандракирти на основе логико-эпистемологических достижений Дигнаги и Дхармакирти. Индийские философы, интенсивно исследуя логико-эпистемологическую проблематику, отстаивали свои доктринальные позиции на основе адекватной аргументационной базы. Вследствие этого был создан специфический метод праманы, суть которого, как считает Дж. Дрейфус, состояла в том, что «все заявления о мире и наших способах его познания должны покоиться на некоторых достоверных формах познания, таких как восприятие и умозаключение. Никто не может просто прокламировать истину, но должен быть способен обосновать утверждения посредством приведения их эпистемологических обоснований» [6, р. 47]. Таким образом, метод праманы стал «сердцем» индийской эпистемологии.

Сформулированные Дигнагой и Дхармакирти методы обоснования достоверности буддийских знаний были переняты прасангиками в виде системы философской методологии – теории праманы. Тибетский эквивалент санскритского термина «прамана» – «цема» (тиб. *tshad ma*) – широко используется в тибетской традиции монастырского образования [5, с. 38].

Большой вклад в развитие системы цема в традиции мадхьямики-прасангики внес Кунчен Жамьян Шадпа, написав учебник по теории познания «Прекрасные золотые четки, кратко разъясняющие устройство ума и знания» (тиб. *bLo rig gi rnam gzhag nyung gsal legs bzhad gser gyi phreng mdzes zhes bya ba bzhugs so*) для студентов монастырских университетов Гелугпы. Как и предыдущее сочинение, руководство «Ум и знание» (тиб. *blo rig*) было написано им для философского колледжа Гоман монастыря Дрепунг и успешно использовалось во многих монастырях Тибета и за его пределами в странах Центральной Азии. Эти сочинения считаются наиболее авторитетными из тибетских комментариев к «Праманаваггике» Дхармакирти [3, с. 17]. Геше Джампа Тинлей считает труды именно Жамьяна Шадпы наиболее точными комментариями классического буддийского учения о сознании и теории достоверного восприятия [4, с. 115].